

Участие женщин в космических полетах: мифы и реальность

История первой женской группы космонавтов

Давно уже не секрет, что наша космическая программа была нацелена в первую очередь на решение пропагандистских задач. Пропаганда космонавтики стала, наверное, пропагандистской задачей номер один: каждый полет на заре космической эры должен был демонстрировать какую-нибудь привлекательную черту или достижение нашего общества. Советскому человеку это казалось привычным и насущно необходимым: была «холодная» война и балансирование на грани «горячей», ядерной. И так вышло, что ареной «показательных боев» в противостоянии двух великих держав стала космонавтика. Она символизировала и олицетворяла собой все — и научно-техническую мощь нашей страны, и наличие высоких технологий, интеллектуального потенциала, и морально-политическое единство общества, и преимущества социалистического образа жизни. «Социализм и есть та надежная стартовая площадка, с которой Советский Союз успешно направляет в космос свои мощные и совершенные космические корабли», — писала «Правда» в связи с полетом Г. Титова [1].

Это означало, что только социалистическое государство способно осуществить вывод на орбиту космического корабля с человеком на борту, и именно так массовым сознанием воспринималось. Разумеется, это было составляющей всеохватывающего мифа, который назывался «социалистическим образом жизни», но тогда звучало убедительно: американские достижения были куда скромнее наших, а до полетов «Аполлонов» на Луну было еще далеко...

Конечно, идея женского космического полета возникла именно из политических соображений. Рассказывают, что помощник главнокомандующего ВВС по подготовке и проведению космических полетов Н. Каманин, познакомившись в Америке с летчицей Дж. Кобб из отряда астронавтов, приступил к организации женской космической группы: нельзя было допустить, чтобы американская женщина полетела в космос раньше нашей.

В последние годы, когда космонавтика перестала быть областью, закрытой для критики, в прессе неоднократно поднимался вопрос — а нужен ли был тогда, в 1963 году, полет женщины в космос?

Разумеется, был нужен — в первую очередь для поддержания и развития мифа о преимуществах социализма: как на разные лады трубила наша пресса, этот полет свидетельствовал о полном равноправии женщин и мужчин в Советском Союзе. Сам С. Королев, выступая перед журналистами, результат полета поставил во главу угла: «Полет Терешковой — это прежде всего одно из самых ярких доказательств равноправия советских женщин, их большого мужества».

Пономарева Валентина Леонидовна — кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН. Член первой женской группы ВВС космонавтов, полковник

Пропагандистские задачи были решены в полной мере. Переворота, который, по утверждению нашей прессы, «произошел в сознании сотен миллионов женщин, знавших во многих странах лишь унижение и несправие», конечно, не случилось, но импульс к тому, чтобы разбудить самосознание женщин, был дан. Присутствовала здесь и определенная исследовательская логика: в первых пяти полетах изучалось воздействие космических факторов на мужской организм, в шестом — на женский.

Кстати сказать, нам, участникам событий «Утра космической эры», вопрос о нужности или ненужности женского космического полета в голову просто не приходил. Социальный заказ на решение приоритетных задач имел место и был весьма настойчив: едва ли не вся страна была втянута в «космическую гонку», одни в качестве участников, другие — болельщиков. Мы воспитывались на принципе равенства и считали себя «ничуть не хуже мужчин». Это было лейт-мотивом воспитания моего, и не только моего, поколения. Любимые книги нашего детства, фильмы, песни и вообще вся атмосфера тогдашней жизни формировали именно такое мироощущение.

В первое время после полета В. Терешковой казалось, что у нашей группы есть будущее. Как говорил Королев и другие очень и не очень важные лица, нас ожидают более сложные и интересные полеты. «Вы все будете в космосе», — сказал Королев на том заседании Государственной комиссии, когда в полет была назначена Терешкова. В 1964—1965 годы (время грандиозных планов) полетов планировалось много: в 1966 году намечалось 9 полетов на «Восходах» и 5 на «Союзах», в 1967 — 14, в 1968 — 21, в 1969 — 14 и в 1970 — около 20. Третьего августа 1964 года состоялось решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР о подготовке полета на Луну.

Но ни в одной из программ не нашлось места для нас. Мужчины «расписаны» были все, и было известно, что все они скоро полетят, а нас не включили ни в одну из групп. Действие социальных законов, так же как и закона тяготения, неотвратимо: в соответствии с устоявшимися стереотипами общественного сознания считалось, что профессионализм мужчин выше, чем профессионализм женщин. Кстати, и женщины были носительницами такого типа сознания, они прекрасно знали, как мало души и сил остается у них для работы от их беспросветного быта...

Профессиональное мужское групповое сознание, особенно в тяжелых и опасных профессиях, каковой является космонавтика, не приемлет мысли об участии женщин в традиционно мужской деятельности. С необходимостью «забить колышек» первым в мире женским космическим полетом космонавты еще как-то мирились, понимая, что победы в историческом соревновании двух социальных систем нашему государству нужны, как воздух. Но когда Каманин перед полетом Терешковой «заикнулся» о групповом женском полете, «...тут же прозвучала угроза один корабль поставить в музей» (запись от 31.01.1963). Позже, когда Каманин все-таки «пробил в верхах» идею второго женского полета, отряд космонавтов, с которым он обсуждал этот вопрос, «безоговорочно высказался против» (запись от 17.04.1965). Хотелось бы думать, конечно, что это было проявлением заботы со стороны наших друзей-космонавтов, а не групповым эгоизмом в его классической форме. Но если уж нас все эти годы крутили на центрифуге и нагревали в термокамере (до тех же самых перегрузок и градусов, что и мужчин!), то проявлением настоящей заботы было бы дать нам возможность самореализоваться.

Вот еще один миф нашей действительности: «Все во имя человека, все для блага человека». Увы, в истории с дальнейшей судьбой нашей группы это оказалось не так. Человек в этой заповеди был абстракцией, а до реального, живого человека Системе (или Мифу) не было дела; нас воспринимали не как специалистов, способных работать профессионально, а только как специфических кандидатов на установление рекорда. Теперь рекорд был взят, и мы оказались не нужны... Не сомневаюсь, что у командования было желание после полета Терешковой отправить нас туда, откуда мы и пришли. Но тут опять сработал социаль-

ный закон, на сей раз в нашу пользу. Оказалось, что мы нечаянно сумели себя защитить — в декабре 1962 года после госэкзамена, когда мы из слушателей-космонавтов переходили в категорию космонавтов, появился выбор: стать военными или остаться в прежнем гражданском качестве. Мы выбрали первое, и нам присвоили звание младших лейтенантов. Теперь мы были кадровыми офицерами ВВС, обладали всеми правами, и просто так распустить нашу группу было нельзя. Мы продолжали оставаться в отряде, но нашу ненужность нам всячески демонстрировали.

О том, что Терешкова имеет воинское звание, в печати не объявляли, в сообщении ТАСС говорилось, что космический корабль «Восток-6» пилотирует гражданка Советского Союза В. Терешкова. Космонавты, дружески поддразнивая ее, называли «гражданка Терешкова» (тогда странным и несообразным казалось, что космонавтом может быть невоенный человек).

После одного из совещаний, где обсуждались грандиозные планы, Каманин поставил нас в известность: ВВС на 1966 год запланирует нам полет. Мотивы были прозрачны — мы начинали проигрывать в космической гонке. К этому времени американцы успешно завершили программу «Меркурий», начали обширную, интересную программу исследований «Джемини», в ближайшие годы планировался полет на Луну, который объявлялся национальной задачей США. Было ясно, что они уже догнали нас и теперь будут быстро уходить вперед. Однако уступить лидирующее положение в космосе, которое отождествлялось с преимуществами социализма, было никак нельзя. Вот почему о нас вдруг вспомнили: следовало прикрыть это отставание, и полет женского экипажа с выходом в открытый космос очень для этого годился. «...Экипаж Пономаревой-Соловьевой с более широкой программой исследований, а может, и с использованием средств передвижения в космосе вызовет во всем мире не менее широкий отклик, чем полет „Восхода-2“», — пишет в своем дневнике Каманин (запись от 2.04.1965). К слову сказать, средств передвижения в космосе, которые мы должны были использовать в своем полете, еще не существовало.

Каманин предложил для полета в начале 1966 года готовить шесть космонавтов, причем женский экипаж должен быть основным, а мужские — запасными, допускалась возможность смешанных экипажей. Это было неслыханно — мужчины дублируют женщин! Но понятно: после полета А. Леонова и П. Беляева полет мужского экипажа, даже длительный и с выходом в космос, не дал бы сенсационного эффекта, столь необходимого для подкрепления мифа о преимуществах нашего строя.

Успехи американцев, по словам Каманина, мы воспринимали, как оплеухи. И это было не в первый раз, когда наше руководство пыталось «прикрыть» отставание рискованными сенсационными полетами. Перед полетом корабля «Восход» с первым в мире космическим экипажем Королев докладывал Н. Хрущеву, что риск для экипажей «Восхода» достаточно велик, однако Хрущев дал санкцию на запуск «в надежде на большой политический выигрыш». Великая работа мифотворчества не должна была останавливаться! Полет «Восхода» — рискованный и опасный, о чем знал только узкий круг специалистов, — должен был доказать всему миру, что советские корабли столь надежны, что на них могут летать даже пассажиры (имелись в виду К. Феоктистов и Б. Егоров, подготовка которых была кратковременной и ограниченной). Потом был поспешный — раньше американцев! — полет «Восхода-2», который лишь по фантастическому везению не закончился катастрофой. Но все обошлось благополучно, а победителей не судят... Эти полеты действительно стали триумфальными и историческими — в них были сделаны первые шаги, необходимые для движения вперед в освоении космоса. Однако безнаказанность развращает, и катастрофы не замедлили...

Идею женского полета поддержали М. Келдыш, К. Вершинин (главком ВВС) и его первый заместитель С. Руденко, потом, после некоторого сопротивления, и Королев. Мы начали готовиться. Вот страничка из дневника Каманина от 17 апреля 1965 года: «Несмотря на возражения космонавтов, я собрал руководство

ЦП К и официально объявил состав экипажей, согласованных с Королевым и Вершининым. Перед отъездом из Центра я поговорил с Пономаревой и Соловьевой. Кое-кто утверждает, сказал я им, что женщинам не под силу полет с выходом в космос, но лично я уверен, что для них такое задание по плечу — остается лишь подкрепить эту мою уверенность отличной подготовкой к полету. Пономарева и Соловьева обещали доказать, что они справятся с заданием не хуже мужчин.

К сожалению, наша подготовка как-то довольно быстро и тихо сошла на нет, однако спустя некоторое время идея женского полета возникла вновь, и возродил ее опять Каманин. Он считал, что в создавшейся ситуации («Союз» запаздывал) «такой полет очень выиграет в политическом, научном и спортивном отношении» (запись от 5.01.1966). С 17 января 1966 года подготовка женщин к полету продолжительностью 15—20 суток с выходом в открытый космос по приказу Каманина была возобновлена. На этот раз нашими дублерами были назначены Т. Кузнецова и Ж. Еркина. Руководство подготовкой поручили Терешковой.

Дела шли еще хуже, чем полгода назад: вместо десятисуточного полета нам предлагали 15—20-суточный и с выходом в открытый космос. Это при том, что максимальная продолжительность полета тогда составляла пять суток! Позже, когда в 1970 году состоялся 18-суточный полет А. Николаева и В. Севастьянова на корабле «Союз», стало ясно, что длительные полеты на таких кораблях невозможны: экипаж вернулся на Землю если не в угрожающем, то в достаточно тяжелом состоянии из-за длительного пребывания в невесомости в условиях относительной гиподинамии. Но в мифологизированном обществе поступками людей руководят мифы, и лица, принимающие решения, чтобы поддержать миф о преимуществах социалистического образа жизни и лидирующем положении нашей страны в космосе, готовы были на все.

Как я и предполагала, подготовка наша закончилась быстро: летом нас отправили в отпуск, а потом никто об этом и не вспомнил.

Так мы дожили до осени 1969 года. И по-прежнему нам ничего не светило. Сколько это могло продолжаться — неизвестно. Мы были «номенклатурными единицами», и чтобы избавиться от нас, нужен был какой-нибудь внешний предлог. Однажды Каманин собрал нас и предложил написать письмо в ЦК КПСС. Он рассказал о какой-то парашютистке 30-х годов, которая хотела установить рекорд, но почему-то не могла пробиться (наверное, ее, как и нас, не пропускали мужчины). Тогда она пошла на прием к М. Калинин и добилась разрешения на рекордный прыжок. Николай Петрович считал, что и нам стоит попробовать. Умные люди говорили: «Не пишите. Пока вы сидите тихо, вас никто не тронет. А если высунете нос, будет повод вас убрать». Но мы плохо ориентировались в наших социальных реалиях и написали. Мы были сознательными советскими гражданами и хотели получить «большой политический резонанс» для своей страны!

Мне текст письма казался неотразимо убедительным. Ну, разве не очевидно есть подготовленные специалисты, которых необходимо использовать! Но уже тогда образовалась очередь на полеты, которая становилась все длиннее, а неиспользованных специалистов становилось все больше...

Но, как я уже говорила, действие социальных законов неотвратимо. Мы «высунули нос» — нас вызвали на Старую площадь и сказали, что очень ценят наше стремление послужить Отчизне, но в данный момент Отчизна в этом не нуждается.

В следующий раз идея «запустить» женщину появилась в конце 70-х годов у В. Глушко, Генерального конструктора НПО «Энергия». Был составлен и разослан в соответствующие инстанции соответствующий документ. Там говорилось, что целесообразно было бы осуществить космический полет с участием женщины, что в ЦПК есть женщины (и были названы четыре наши фамилии), которых можно подготовить быстро и без больших затрат. Вместе с тем полет женщины в космос может дать большой политический эффект.

Прошло почти 20 лет после полета Терешковой, а мотивы принятия решения

о следующем полете женщины в космос были те же: получить «большой политический эффект»! Для нас ничего не изменилось за эти годы...

Однако военные не были заинтересованы в полете женщины-космонавта, имеющей военное звание. Тогда это сделали гражданские — НПО «Энергия» набрало женщин в свой отряд космонавтов. В 1982 году в космос полетела С. Савицкая, летчик-испытатель, неоднократная чемпионка и рекордсменка мира по самолетному спорту.

История повторилась: женщины, которые готовились вместе с ней и дублировали ее, в космос так и не полетели. Несколько лет они «просидели» (как и мы) в отряде, а потом были (как и мы) расформированы за ненадобностью... Но положительные сдвиги все же произошли: промежуток между полетами Савицкой и недавним полетом Е. Кондаковой сократился вдвое и составил около 10 лет. Если промежуток опять сократится вдвое, то следующая наша женщина полетит в космос совсем скоро!

Еще один нюанс, характерный для нашей действительности. И Савицкая, и Кондакова были не «из простых»: одна — дочь маршала Советского Союза, другая — жена космонавта. Я вовсе не хочу сказать, что они не заслужили права и чести лететь в космос, не подвергаю сомнению их профессионализм, который единственный может служить здесь критерием. Но им не нужно было «пробиваться», в отличие от многих и многих других. Так что никаких «равных возможностей» здесь нет, а есть действие закона воспроизводства номенклатуры — по М. Восленскому. Впрочем, общество равных возможностей — это очередной социальный миф, бытующий в основном, по-видимому, в развитых странах, включая бывшие социалистические (вспомним хотя бы притчу о чистильщике сапог, который может стать президентом, или о кухарке, которая должна уметь управлять государством).

Отвлекаясь от женской темы, хочу сказать, что совершенно согласна с учеными С. Кричевским и С. Жуковым: поскольку «спрос» на профессию космонавта в обществе гораздо ниже, чем «предложение», следует обратиться к практике открытых конкурсов по отбору космонавтов, это дало бы хоть какую-то возможность соблюсти социальную справедливость [2].

Не следует, однако, думать, что подобная ситуация характерна только для нашей страны. У американских космонавток тоже не все шло гладко.

Развитие «женской линии» в космонавтике США

У нас в стране подготовка человека к космическим полетам происходила в обстановке крайней секретности, тогда как НАСА уже открыто обсуждала вопрос о возможности пилотируемых полетов. В 1958 году первые семь кандидатов в астронавты для программы «Меркурий» были отобраны из более чем 100 военных летчиков-испытателей, в мае 1959 года они были представлены широкой общественности.

Р. Лавлейс, директор медицинского центра в Альбукерке (штат Нью-Мехико), ответственный за отбор кандидатов для программы «Меркурий», решил обследовать женщин на предмет их участия в космических полетах. Для этой цели были отобраны 20 выдающихся женщин-пилотов, которые «покаялись хранить тайну»[3].

В феврале 1960 года одна из них, Дж. Кобб, прошла первый этап и приступила к следующей стадии испытаний. Позднее еще 12 женщин присоединились к Кобб. И для них было тяжелым ударом, когда глава администрации НАСА Дж. Вебб в июле 1961 года приказал закрыть программу испытаний женщин.

Общественное мнение и средства массовой информации весьма недоброжелательно отреагировали на информацию об участии женщин в программе «Меркурий». В газетах кандидаток в астронавты называли «астродурочками», «космическими девчонками» и другими уничижительными прозвищами («astrodolls», «spacegals», «astrotrix», «astronettes»).

НАСА продолжала отвергать возможность участия женщин в космических полетах несмотря на то, что сведения о подготовке женщин в Советском Союзе просочились в американскую печать.

Барьер, который НАСА поставила перед женщинами, приняв требования (по рекомендации президента Эйзенхауэра в 1958 году) о наличии у кандидатов в астронавты квалификации военного летчика-испытателя, был непреодолим: единственная женщина в стране, которая удовлетворяла это требование — Ж. Кокран, — не проходила по возрастным ограничениям.

Однако летчицы, прошедшие тяжелейшие испытания, не пожелали с этим смириться, и две из них — Дж. Кобб и Дж. Харт — отправились в Вашингтон к вице-президенту Л. Джонсону, чтобы защитить программу «Женщины в космосе».

Они рассчитывали, что вице-президент проведет слушания в Конгрессе, и надеялись на благоприятную реакцию. В июле 1962 года они выступали в Национальном космическом подкомитете (House Space Subcommittee), где заявили о дискриминации женщин со стороны НАСА. То, что требование квалификации военного летчика-испытателя для женщин может быть снято, они аргументировали тем, что есть прецедент: были отменены требования об образовании для Дж. Гленна, который не имел степени бакалавра по физическим, биологическим или техническим наукам. Кстати, сам Дж. Гленн поддерживал идею участия женщин в космических полетах: «Если мы сможем найти женщин, которые продемонстрируют, что имеют более высокую квалификацию, чем мужчины... мы должны встретить их с распростертыми объятиями».

Дж. Кобб имела 10 тыс. часов налета на всех типах самолетов, тогда как Гленн — 5 тыс., а Карпентер — всего 2,9 тыс. Она начала летать в 12 лет со своим отцом-летчиком, впоследствии стала профессиональным перегонщиком самолетов и совершила многочисленные перелеты по всему земному шару, т. е. действительно имела более высокую летную квалификацию.

Однако все инстанции, в которые обращались летчицы, чтобы защитить свои права, оставались глухи к их требованиям и призывам.

Вполне понятную позицию в этом вопросе занимала Ж. Кокран: из-за возраста у нее не было надежды стать астронавтом. Она помогала Лавлейсу в организации испытаний для женщин и одновременно рекомендовала Конгрессу продолжать эти испытания «с осторожностью, так как в настоящее время нет достаточных данных для сравнения женщин и мужчин по физиологическим и психологическим параметрам». Она также заявила, что затраты на эти испытания могут оказаться напрасными, ибо женщины, которые проходят тренировки, «могут никогда не закончить программу, потому что стремление выйти замуж — основная цель всех женщин». В конечном счете Конгресс отказался санкционировать учебную программу для женщин-астронавтов.

Когда советское руководство решило отправить в космос первую в мире женщину-космонавта, кандидаток набирали в обстановке полной секретности по аэроклубам преимущественно среди парашютисток, так как из космического корабля «Восток» космонавт должен был катапультироваться и приземлиться на парашюте. Требовались навыки парашютной подготовки, ни о каких ученых степенях и тысячах часов налета на самолетах речь не шла. Здесь мы оказались в лучшем положении, чем американки: нам, первой женской «космической» пятерке, не пришлось пробиваться — предложение стать кандидатом в космонавты свалилось на нас, можно сказать, как снег на голову.

В течение последующих лет после полета Терешковой НАСА продолжала проводить медико-биологические исследования и эксперименты с участием женщин-добровольцев, а 8 июля 1976 года был объявлен открытый набор астронавтов для полетов по новой программе «Space Shuttle» с участием женщин. Это объяснялось тем, что новый корабль был более вместительным и комфортабельным, чем прежние, и там можно было обеспечить приемлемые условия для жизни и работы женщин. Из 5680 кандидатов 1251 были женщины, из 35 астронавтов — шесть женщин. Таким образом, эра дискриминации по признаку пола за-

кончилась. По настоянию К. Хантон, начальника отдела кадров Центра Джонсона, женщинам при собеседовании не задавали тех вопросов, которые не рассматривались и при отборе мужчин: о планах иметь семью и детей.

НАСА «повернулась лицом к женщинам» и относительно использования их как специалистов — ученых и инженеров. Впоследствии наборы в астронавты осуществлялись в основном из двух категорий специалистов: военных летчиков-испытателей и сотрудников НАСА. В 1974 году женщины составляли 2,6% персонала НАСА, а в 1987 году — 22%. Таким образом, перспектива стать кандидатом в астронавты для женщин существенно улучшилась. Будущее в аэрокосмических исследованиях и экспериментах, как полагает Д. Плимат, блестяще для женщин: они могут найти себя в любой области космических исследований. За последние 50 лет число женщин-пилотов в Америке достигло 42 тыс., увеличившись за этот срок более чем в три раза. С 70-х годов военные ведомства расширяют подготовку женщин-пилотов. Весьма вероятно, что женщины станут командирами на космической орбитальной станции.

А необходимо ли участие женщин в космических полетах?

Проблему участия женщин в космических полетах нельзя рассматривать в отрыве от социальных условий и состояния массового сознания. Это вопрос не только необходимости и целесообразности, но морально-этический и даже, пожалуй, философский.

Если говорить о сегодняшнем дне, то необходимость участия женщин в космических полетах, скорее, отсутствует: как показал опыт космических полетов, мужчины в основном справляются сами. А целесообразность? Есть ли сейчас на орбите такие задачи, которые могут быть решены только с участием женщин? Или решены более эффективно при их участии? Боюсь, что нет. Однако в длительных полетах, которые, несомненно, предстоят человечеству, без женщин никак нельзя — это вопрос безопасности. Я не рассматриваю здесь «эфирные поселения» или полеты к другим Галактикам, я имею в виду проблемы не столь отдаленного будущего, для решения которых почу нужно готовить уже сейчас.

Надежность человека в экстремальных условиях — ключевая проблема длительных космических полетов. Для условий работы (и жизни) при всей напряженности, сложности и ответственности деятельности характерны монотония в крайне ограниченном и мало меняющемся физическом пространстве, ограничение социальных связей внутри корабля и с Землей, их деформация, преобладание стрессоров хронического характера; постоянный контакт с опасностью и высокая вероятность возникновения непредвиденных нештатных ситуаций, которые могут потребовать мгновенного переключения сознания. Понятно, что в условиях постоянно и длительно действующих разнообразных стрессоров первостепенную важность на корабле приобретает благоприятный психологический климат, и наличие женщин будет способствовать его формированию и поддержанию — эта мысль лежит на поверхности.

И еще. Человек — существо преимущественно земное, космическая компонента его природы пока еще как следует не осознана, а отрыв от привычных земных условий не может не оказывать на психику человека отрицательного воздействия. И пока Человек остается таким, каков он есть, условия существования в космосе должны быть наиболее приближены к земным. Мысль эта очень проста и очевидна: мужчина и женщина — две «половинки» человека, и уж, конечно, в дальние и опасные путешествия человек должен отправляться в своей целостности. Эти две «половинки» существенно разнятся: природа положила в удел женщине материнство, и поэтому женская мораль — мораль заботы, ответственности, сопереживания, самоотверженности, подчинения своих интересов потребностям другого. Мужская мораль утверждает иные ценности: автономность, рациональность, ориентацию на профессиональный успех. Для устойчивого и успешного функционирования любой человеческой общности, в том числе космического экипажа в длительном полете, необходим полный набор качеств, которые представлены мужской и женской половиной человечества.

Женская психика более устойчива к неблагоприятным воздействиям, женщины более терпеливы, и это их качество будет особенно ценно в условиях монотонии. Женщины более чувствительны к отклонениям от нормы и раньше чувствуют опасность. А что касается интеллекта, в наличии которого общественное мнение по привычке отказывает женщинам, и «бойцовских качеств», которых требует профессия, то если уж они прошли все «препоны и рогатки» при отборе и все страхи и тяготы при подготовке, эти качества у них присутствуют не в меньшей мере, чем у коллег-мужчин. Если же иметь в виду дискриминацию женщин, которая, видимо, еще долго будет проявляться на всех ступенях преодоления — от первоначальной медкомиссии до подножия ракеты,— наверняка, все упомянутые качества будут выше «среднего показателя».

Кроме того, и это очень важный момент, женщина может оказаться — и, скорее всего, окажется — источником повышения резервов и устойчивости экипажа в сложных обстоятельствах: мужчина как существо «высшего сорта», каковым он привык себя считать, не позволит себе проявить слабость в присутствии женщины. Самолюбие и способность к напряжению всех сил до самого крайнего предела вообще характерны для поведенческих реакций космонавтов: космонавт — профессия публичная, в процессе подготовки к полету наличествует соревновательный элемент, а деятельность происходит, можно сказать, на глазах у всей планеты. И присутствие женщин среди зрителей, а тем более участников процесса, способно в значительной степени повысить мотивацию на положительные действия и мобилизовать скрытые резервы.

Этого уже достаточно, чтобы обосновать необходимость участия женщин в космических полетах. Главное же заключается в том, что общение человека с космосом имеет колоссальное мировоззренческое значение.

Человечество на протяжении многих веков ищет ответ на вечные вопросы: кто мы, откуда пришли и зачем? Сейчас, на фоне грядущих экологических катастроф, это становится насущно необходимым: очевидно, что наша цивилизация не найдет в своем технологическом арсенале эффективных средств для выхода из экологического тупика. «В космосе — ключ к открытию психического кода, который был по неизвестным причинам человечеством утрачен, и нам досталась лишь частичка витальных, репродуктивных и эгоистических потребностей»,— пишет В. Пономаренко. Он полагает, что чем более человек отдаляется от своей планеты и чем больше его организм испытывает воздействие факторов, не известных на Земле, тем ближе человечество к открытию факта космического происхождения живого вещества. Среди многообразных реакций организма и психики будут «новые эволюционные знаки», которые человечество должно увидеть и расшифровать. «И женщина их прочтет и спасет человечество» [4].

Даже кратковременные озарения, которые случались у космонавтов в дальних полетах, имеют для человечества колоссальное значение. Это необходимо для формирования космического сознания — сознания человека XXI века. И участие женщин обязательно, ибо они видят и понимают мир не так, как мужчины, и данную компоненту сознания никак нельзя упустить. Но для того чтобы участвовать в будущих космических полетах, женщины должны летать уже сейчас, и не при чрезвычайных обстоятельствах или в процессе выдающихся экспериментов, а просто работать. Не надо искать какие-то специальные «ниши» и требовать доказательств, что они «не хуже мужчин». И не надо развивать в них жесткость искусственными препятствиями на пути к цели — в длительных полетах нужны будут как раз существенные черты женской природы.

Доктор Я. Си кора, чешский исследователь, пишет, что философия отбора и составления экипажей для длительных космических полетов должна быть изменена: в принципе это должен быть женский экипаж, «...его руководитель — женщина подвижного типа руководства. Необходимость участия возможного макулиного участника и его положение нам предстоит обсудить» [5].

Отношение общества

Общество тем не менее оказывает противодействие стремлению женщин приобрести ту или иную престижную профессию, отступая от этой позиции, как было в космонавтике, только для установления рекордов и решения политических задач. Ничего нового в этом нет: устоявшиеся стереотипы общественного сознания, сформировавшиеся в процессе развития нашей техногенной цивилизации, отождествляют маскулинную систему ценностей с ценностями общечеловеческими, а женская система ценностей признается ущербной, вследствие чего весь женский пол общественным сознанием признается «второсортным». И это, если судить по активизации феминистского движения в странах Запада, характерно не только для нашей страны. Но в России на эти общие тенденции мирового развития наложились особенности развития нашего социума в последние 70 лет.

Процесс эмансипации проходил под жизнерадостные гимны и марши — «освободить», «раскрепостить» женщину, «дать творческий простор, возможность полноценного творческого труда» — и на самом деле означал, по удачному выражению одного из современных западных психологов, стремление «смастерить женщину из мужского материала». «Лучшие мужчины — это женщины!» — строчка из стихотворения Ю. Друниной, женщины, прожившей нелегкую и «не женскую» жизнь. Это было сказано очень искренне и с гордостью.

Официальная пропаганда утверждает, что у нас нет дискриминации женщин в профессиональной сфере. Это неправда: существует перечень профессий, запрещенных для женщин (профессия дорожного рабочего, видимо, в этот перечень не входит). Есть постановление правительства, принятое в 30-х годах, о запрете для женщин на летную профессию, и оно не отменено до сих пор. В авиацию женщинам всегда приходилось пробиваться с боем, и это не вызывало социального протеста: женщины, которые «пробились», боролись не против социальной несправедливости, а за то, чтобы стать исключением из правил. Однако установка «женщин не берем!» уживалась с призывом «комсомол, на самолет!» и с рекордами знаменитых советских летчиц. Когда государству бывает нужно, оно призывает женщин потрудиться на благо Отечества и даже рискнуть головой, и женщины охотно откликаются на этот призыв. Так было всегда, начиная с полета В. Гризодубовой, М. Расковой, П. Осипенко и кончая полетом В. Терешковой. С действующими лицами событий государство расплачивалось щедро и широковещательно объявляло, что событие олицетворяет и о чем свидетельствует. А «сотни миллионов женщин», к которым апеллировала официальная пропаганда, оставались там, где они и были — при своих «три К» по-советски: кастрюлях, корытах и конторах...

Советские женщины, которые первыми в мире послали свою представительницу в космос, оказались в худшем положении: сейчас у нас женщин, слетавших в космос, всего трое, а у американцев — уже более 20. Я не могу отделаться от мысли, что «у них» женский вопрос решен гораздо лучше, чем у нас, по крайней мере в космонавтике. Там летают не мужчины и женщины, а специалисты, которые в одних случаях оказываются мужчинами, в других — женщинами. И критерием при выборе кандидата на полет является профессионализм.

Когда по программе международного сотрудничества в Космосе Англия и Япония в качестве кандидатов на полет прислали к нам женщин, представление о том, что в капиталистических странах они «закрепощены и бесправны», которое упорно насаждалось нашей пропагандой и было составляющей моего мироощущения, рухнуло окончательно. И очень было обидно — и за себя, и за державу..

Женщины летали, летают и будут летать несмотря на все препоны и рогатки: такова динамика развития любой профессии. Так всегда и было — новую профессию осваивают мужчины, и она остается чисто мужской какое-то время, иногда длительное. А потом в нее начинают «проникать» женщины. Так было, например, с полярниками. Иногда профессия полностью переходит в женские

руки, как было у нас с учителями и врачами. А как будет с космонавтикой? Разумеется, речь не идет о массовом притоке женщин в эту профессию, а лишь об «отдельных личностях».

Любая профессия накладывает отпечаток на облик и внутренний мир человека. Но профессия космонавта перестраивает внутренний мир человека существенным образом, формируя личность в соответствии со своими требованиями. В космонавтику приходят женщины, которых природа и общество «смастерили» в основном из «мужского материала», что понятно и на данном этапе естественно. И эти их качества в процессе профессиональной деятельности развиваются и усиливаются. Как выразился один из психологов, имея в виду «обобщенный образ женщины-космонавта», «это будет не совсем женщина — человек женского рода». Что поделаешь, когда имеешь мужскую профессию, приходится вести себя как мужчина, это входит в плоть и кровь, становится второй натурой.

Альтернатива — семья или возможность полноценного профессионального труда — для «эмансипирующихся» женщин всегда была и будет актуальной: обязанность рожать и растить детей не может снять с них и сам Господь Бог, даже если женщины и пожелают отказаться от материнства. Правда, в разнообразных картинах будущего, которые рисуют философы, социологи, психологи, встречается мысль, что совершенный человек — человек андрогинный. Это значит, что не станет ни мужчин, ни женщин, а просто люди, и воспроизводство рода человеческого будет происходить, наверное, методом почкования, как на Тау Кита. Лично мне такая перспектива не кажется радужной: мир должен быть разнообразным, и если не будет в нем любви мужчины и женщины, то о чем же будут писать поэты? Однако в обозримом будущем это нам не грозит, и совместить материнство с участием в длительных космических полетах весьма затруднительно, от чего-то придется отказываться... Но если женщина сознательно идет на ущемление других сторон своей жизни ради обладания профессией, это ее выбор. Если она предъявляет права на профессию, как бы ни была эта профессия престижна и элитарна и насколько бы ни признавалась общественным сознанием «мужской», и если личностные качества претендентки не входят в противоречие с требованиями профессии, нет никаких оснований подвергать сомнению ее право на эту профессию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обращение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР к Коммунистической партии и народам Советского Союза, к народам и правительствам всех стран, ко всему прогрессивному человечеству // Правда. 1962. 17 августа.

2. Жуков С. Л., Кричевский С. В. Гуманитарные цели полетов в космос и требования к космонавтам // Труды XXIX чтений К. Э. Циолковского. Секция «К. Э. Циолковский и профессиональная деятельность космонавтов». М., 1995. С. 83—89.

3. Plymate D. A Women's Place in Spase//Space World. 1988. Nov.

4. Пономаренко В. А. О космической поддержке духа земного человека // Тезисы докладов на Международном семинаре по проблемам космонавтики. М., 1995.

5. Сикора Я. Роль женщины в космосе после 2000 года // Тезисы докладов на X Международном симпозиуме по истории авиации и космонавтики. М., 1995. С. 207.

© В. Пономарева, 1999